

К ПРОБЛЕМЕ КАВКАЗСКОГО ЯЗЫКОВОГО СУБСТРАТА В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Сатцаев Э. Б. , Цаллагова И. Н.

ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований ВШЦ РАН и РСО-А, г. Владикавказ, Россия (362040, Владикавказ, Проспект Мира, 10, e-mail: soigsi.ru

Среди современных письменных иранских языков важное место занимает и осетинский язык. Предки современных осетин – скифы, сарматы, аланы, известны на территории юго-восточной Европы и степях Евразии с глубокой древности. Они с конца I-ого тысячелетия до нашей эры, по существу, уже оказались оторванными от остального ираноязычного мира – Средней Азии и Иранского нагорья. Трудami крупных ученых еще в конце века было доказано, что осетинский язык является прямым продолжением языка скифо-сарматских племен, проживавших на огромной территории от реки Дунай на западе до Алтая на востоке. В результате сложных исторических и этногенических процессов, протекавших здесь, осетинский язык сохранился только на ограниченной территории в районе центрального Кавказа к северу и югу от главного Кавказского хребта. Данная статья посвящена одной из самых актуальных проблем современного осетиноведения – проблеме кавказского языкового субстрата в осетинском языке. Проведен сопоставительный анализ языкового материала некоторых иранских языков и современного осетинского языка в обоих его вариантах (иронский и дигорский).

Ключевые слова: осетинский язык, кавказский языковой субстрат.

ON THE ISSUE OF CAUCASIAN SUBSTRATE IN THE OSSETIAN LANGUAGE

Satsaev E. B., Tsallagova I. N.

Federal State Budget Institution of Science North Ossetik Institut of Humanities and Social Studies after V. I. Abaev of the Vladikavkaz Sciences Centr of the Russia Sciences Academy and the Government of North Ossetia - Alania (362040, Vladikavkaz, Prospekt Mira, 10), e-mail: soigsi.ru

The Ossetian language takes an important place among modern written Iranian languages. The ancestors of modern Ossetians – the Scythians, the Sarmatians, and the Alans – were known in the south-east Europe and the steppes of Eurasia since the ancient times. Starting from the end of I millennium BC, they, in fact, were already separated from the rest of the Iranian-speaking world, i.e. the Central Asia and the Iranian plateau. In the end of the century, it was proved in the works of prominent scientists that the Ossetian language is a direct extention of the language of Scythian and Sarmatian tribes that lived in the vast territory of the Danube River in the west to the Altai in the east. As a result of complex historical and ethnogenic processes that were going on here, the Ossetian language was preserved only in a limited area of the Central Caucasus to the north and to the south of the Greater Caucasus Range. This article is dedicated to one of the most urgent problems of modern Ossetian language studies: the problem of Caucasian substrate in the Ossetian language. Comparative analysis of linguistic material of some Iranian languages and the modern Ossetian language in its both variants (Iron and Digor) was carried out.

Keywords: Ossetian language, Caucasian linguistic substrate.

Введение

Осетинский язык относится к иранской группе индоевропейской семьи народов. Иранские языки в свою очередь делятся на две подгруппы – западноиранскую и восточноиранскую.

Языки каждой подгруппы можно разделить на две ветви – западноиранские на северо-западные и юго-западные, восточноиранские – на северо-восточные и юго-восточные. Осетинский язык наряду с ягнобским принято относить к северо-восточной ветви иранских языков.

Новейшие лингвистические исследования в области иранистики позволяют уточнить критерии деления иранских языков на ветви. Например, некоторые памирские языки, относящиеся к юго-восточной ветви, часто обнаруживают с осетинским больше сходства, чем ягнобский, отнесенный наряду с осетинским к северо-восточной ветви.

Наиболее значимыми с точки зрения выполняемых функций иранскими языками являются персидский, афганский (пушту), дари, таджикский, курдский, осетинский и белуджский.

Целью исследования является определение степени влияния кавказского субстрата на формирование современного осетинского языка.

Материалом исследования послужил языковой материал некоторых иранских языков, а также современного осетинского языка в обоих его вариантах (иронском и дигорском). В работе использовался ряд **методов** лингвистического исследования в комплексе: сопоставительно-типологический метод, анализ и синтез.

Обсуждение результатов исследования. Общеизвестно, что среди современных письменных иранских языков важное место занимает и осетинский язык. Письменность на осетинском языке существует с конца XVIII века. Подлинных памятников скифского языка не имеется. Однако произведения античных авторов и греческие надписи Причерноморья и Приазовья сохранили нам немалое количество скифских слов – преимущественно названия отдельных скифо-сарматских племен, имена собственные и т.д. Анализ этих слов не оставляет никаких сомнений в ираноязычности скифов [2, с.36-41]. Как и другие ираноязычные племена того времени, скифы причисляли себя к племенам арийского происхождения, говорили на различных диалектах иранского языка-основы [7, с.71-72].

Возможно, что среди кочевых племен Восточной Европы, объединявшихся античными авторами под общим названием «скифы», были и племена, не говорившие на иранских языках. Однако весь зафиксированный античными источниками скифский лексический материал является по своему происхождению иранским и свидетельствует об ираноязычности скифских племен Восточной Европы [2, с.147-244; 4, с.122]. К сожалению, памятников языка скифов Алтая и современного Казахстана не имеется и что-либо утверждать об их языковой принадлежности невозможно, хотя большинство ученых уверено в их ираноязычности.

Ираноязычность скифов подтверждается также сведениями из античных источников, где прямо указывается на близкое родство языка скифов и древних персов. Сарматский мало чем отличался от скифского, о чем писал античный историк Геродот. Он прямо указывал, что «сарматы говорят по-скифски, но исстари неправильно» [3, с.44; 4, с.126].

Преемниками скифов являются аланы, выделившиеся в I веке до н.э. из среды скифо-сарматского населения Северного Прикаспия, Дона и Предкавказья. В I веке н.э. они поселились в Приазовье и Предкавказье. В 372 году аланы были разбиты гуннами и частично участвовали в великом переселении народов, достигнув Испании и Северной Африки. Сохранившиеся в предгорьях Кавказа аланы на рубеже IX–X вв. создали раннефеодальное государство, которое играло значительную политическую роль в регионе.

Аланы представляют собой среднее звено в языковой непрерывности: скифский – аланский – осетинский языки [5, с.105-106]. В общем, аланская проблема сравнительно хорошо изучена. Мы имеем ясное представление о многих сторонах жизни алан. У вас достаточно также лингвистического материала, позволяющего иметь довольно ясное представление об аланском языке. И надо сказать, что весь этот языковой материал исключительно иранский и в нем не усматриваются вайнахские, адыгские или какие-либо другие элементы. Следовательно, преемственность – скифы-сарматы-аланы-осетины в языковом отношении представляются бесспорной [4, с.126].

Что касается отсутствия в исторической памяти осетин сведений о своих прямых предках, на что указывают некоторые ученые, то было бы удивительно, если бы они сохранились, учитывая условия проживания алан-осетин последних столетий. Даже такие крупные народы, как египтяне, жители Ирака и Ирана, жившие в несравненно лучших условиях, совершенно не помнили о своих великих предках, создавших великие государства – Древний Египет, Вавилон, Элам.

Можно считать несомненным, что не менее двух тысяч лет осетины-аланы являются народом кавказским и находятся в тесных отношениях и взаимодействии с другими кавказскими народами [9, с.36-61].

Такие продолжительные связи не могли не оставить следа в языке и во всей этнической культуре осетин. Следует признать, что кавказский элемент занимает особое место по количеству и глубине связей. Однако переоценка этих связей может привести к неверным выводам.

В отношении осетинского языка среди ученых утвердилось твердое мнение его «двуприродности». Сторонники этого взгляда считают, что осетины являются аборигенным народом, воспринявшим в незапамятные времена язык вторгнувшихся сюда иранских племен. При этом, якобы, местный язык послужил субстратом, который определяет «двуприродность» современного осетинского языка. Наиболее убежденным сторонником этой идеи был В. И. Абаев, который в свою очередь перенял ее у своего учителя Н. Я. Марра. Последний первым заявил о наличии кавказского субстрата в осетинском языке. Со

временем это мнение перекочевало во все справочники и энциклопедии, где писали об осетинском языке.

Термин «субстрат» происходит от латинских *sub* – 'под' и *stratum* – 'слой', 'пласт' и означает совокупность черт языковой системы, не выводимых из внутренних законов развития данного языка и восходящих к языку, распространенному ранее на данной лингвогеографической территории. Субстрат, в отличие от заимствования, предполагает широкое этническое смешение и языковую ассимиляцию пришельцами коренного населения через стадию двуязычия. Источником субстрата может быть язык как родственный языку-победителю, так и неродственный. Явления субстрата могут проявляться на любом уровне языковой системы от фонетики до лексики, либо в виде вошедших в язык единиц и категорий, либо в виде специфических процессов исторических изменений в системе языка-победителя, стимулированных диахроническими законами побежденного языка [11, с.497]. Смежным с субстратом понятием является суперстрат – совокупность черт языковой системы, не выводимых из внутренних законов развития языка и объясняемых как результат внешнего влияния.

Говоря о кавказском субстрате в осетинском языке, все лингвисты, как правило, ссылаются исключительно на В. И. Абаева, и серьезно более никто не занимался этой проблемой.

В. И. Абаев пишет, что «кавказская языковая среда наложила заметный отпечаток на все стороны осетинского языка: на фонетику, морфологию, синтаксис, лексику, семантику, идиоматику» [2, с.76].

Особенно яркой и бросающейся в глаза «кавказской чертой» в фонетике осетинского языка В. И. Абаев считает смычно-гортанные согласные (абруптивы): *k'*, *p'*, *c'*, *c'*. Абруптивы встречаются в осетинском языке, как правило, в заимствованиях, и лишь изредка – в словах иранского происхождения. Общее количество слов с абруптивами в осетинском сравнительно невелико, и они не могут служить бесспорным критерием наличия кавказского субстрата в нем.

В области морфологии В. И. Абаев обнаруживает коренную ломку древнеиранского склонения, предполагая, что она совершилась под влиянием кавказского субстрата. В древнеиранских языках система склонения была флективной.

В современном осетинском языке склонение агглюнативное, как и в тюркских, угрофинских и некоторых кавказских языках. По сравнению с современными иранскими языками осетинский язык характеризуется развитой падежной системой. Но это не является чем-то исключительным – многопадежность была характерна древнеиранским языкам. В

авестийском языке, например, было семь падежей. Есть падежи и в некоторых современных иранских языках.

Анализ осетинской падежной системы показывает, что она сформировалась сравнительно недавно на базе послелогов. Дигорский диалект, отражающий более раннее архаичное состояние осетинского языка, имеет меньшее число падежей, чем иронский. Например, в дигорском нет союзного падежа:

ирон диалект	дигор. диалект
<i>æмбалимаæ</i>	<i>æмбали хæццаæ</i> 'с другом'

Здесь *-имаæ* – окончание союзного падежа в иронском диалекте, который сформировался на базе сращения слова *æмбал* с древнеиранской частицей совместности *ham* *æмбал + ham – (a) – æмбалимаæ* 'другом с' [1, с.133-134].

Кавказским субстратом считают также несоответствие падежных окончаний единственного и множественного числа существительных, которое вероятнее всего является результатом внутреннего развития языка в сторону унификации. Этот процесс до конца не завершился – в форме направительного падежа закономерность несоответствия нарушается: *сæрмаæ* – ед.ч. напр. падежа; *сæртæм* – мн. ч. напр. падежа.

Явления разночисленности и нерегулярности падежной системы наблюдались и в древнеиранских языках, например, в авестийском.

Локативность некоторых осетинских падежей, которую В. И. Абаев считает наследием кавказского субстрата, присуща и древнеиранским языкам. Свойственная осетинскому языку нейтрализация противопоставления именительного и винительного падежей была характерна и для древнеиранских языков, следовательно, ее корни могут восходить к древнеиранским формам.

Система склонения в осетинском языке более близка к тюркским языкам, чем к кавказским (в груз. 6 падежей, мало похожих на осетинские). Движение от флективности к агглюнативному характеру свойственно очень многим языкам, и осетинский здесь не является исключением.

В системе глагола, по признанию самого В. И. Абаева, осетинский язык полностью сохранил свой иранский характер.

В системе синтаксиса В. И. Абаев усмотрел особо много новшеств под влиянием кавказского субстрата. Но синтаксис обычно мало привлекают в плане сравнительного анализа – он весьма подвержен изменению. Однако и заявленные В. И. Абаевым «серьезные сдвиги под влиянием кавказских языков» на самом деле находят полные аналогии в других современных иранских языках.

В. И. Абаев пишет, что порядок слов в осетинском стал более строгим и причину этого он видит во влиянии кавказских языков. Однако такой же «строгий» порядок слов характерен и для многих иранских языков, например, афганского и персидского.

Предшествование определения определяемому слову осетинский унаследовал от древнеиранских языков, и этот порядок распространяется на все восточноиранские и некоторые западноиранские языки (в большинстве западноиранских языков определяемое слово предшествует определению).

Идентичная осетинскому языку послеложная система характерна и для многих иранских языков. Например: в афганском языке *-kor-na* 'из дома', *kor-ta* 'в дом', *kor-sxa* 'из дома' и в осетинском - *хæдзары цур* 'около дома', *-ha*, *-ta*, *-sxa* и *sur* являются послелогам, и как видно из примера, употребляются одинаково.

В. И. Абаев допускает возможность, что все эти новшества могли быть результатом естественного развития осетинского языка. Однако все же склоняется к мысли, что «тут не обошлось без воздействия на осетинский язык субстратных кавказских языков», не конкретизируя, каких именно. Определенный процент осетинской лексики составляют заимствования из других языков, в том числе из кавказских. При этом осетинский хорошо сохранил основной, неотчуждаемый фонд языка, за редким исключением – имеющий иранское происхождение. Заимствованная лексика носит в основном конкретно исторический, специальный характер, который оказался необходимым осетинам в конкретных условиях природы, хозяйства и культуры. Специальный, обогатительный фонд может в самых широких размерах или пополняться, тогда как заимствование слов-понятий в основном фонде возможно лишь в ограниченных размерах [2, с.16].

Для выяснения первоначального родства основополагающее значение имеет не обогатительный, а основной лексический фонд, носящий в осетинском ярко выраженный иранский характер. Другие иранские языки не столь полно сохранили древнеиранское языковое наследие. Для доказательства наличия кавказского субстрата в осетинской лексике В. И. Абаев в качестве примера приводит семь слов из основного лексического фонда: *к'их* 'рука', *к'ах* 'нога', *з'ух* 'рот', *был* 'губа', *лаг* 'человек, мужчина', *баэх* 'лошадь', *дур* 'камень'.

Этого количества явно мало для обоснования наличия субстрата, к тому же эти лексемы не находят аналогии в каком-либо одном кавказском языке.

При более глубоком анализе вышеуказанных слов выявляется, что, по крайней мере, пять из них имеют спорную этимологию.

Слово *к'ах* 'нога' может восходить к праиндоевропейскому *ketk* 'часть ноги'. Эта основа является индоевропейско-северокавказской изоглоссой и бытует во многих

восточнокавказских языках: табасар. *g'amg* - 'колено', лезг. *к'итык* 'шиколотка' и т.д. [8, с.118].

Слово *byl* 'губа' родственно персидскому *lab* 'губа' в форме метатезы *lab* > *bal*. В. И. Абаев считает, что это слово родственно слову *bəl* 'губа' в дидойском языке, а также словам *p'il* 'губа' в сванском и *p'iri* 'рот' в грузинском языке. Следует обратить внимание на малое количество сравниваемых языков, а также на узкую семантику сравниваемого слова в кавказских языках. В персидском же языке семантика слова *lab* полностью совпадает с семантикой осетинского *byl*: перс.: губа, край, у, у края, на краю, к (при обозначении направления); осет.: губа, край, у, берег.

Что касается слов *laeg* 'человек, мужчина', *bæx* 'лошадь' и *dur* 'камень', то приведенные кавказские аналоги далеки от осетинских по фонетике и семантике: *dur* (осет.) 'камень' и *thulg* (чечен.) 'камень'; *laeg* (осет.) человек, мужчина и *lai* (чечен.) 'раб'.

Исследования последних лет выявили немалое количество индоевропейско-северокавказских изоглосс, возникших в глубокой древности [8]. Количество их исчисляется несколькими десятками. При исследовании проблемы кавказского субстрата в осетинском языке непременно следует учитывать и этот факт.

Одним словом, работу в отношении наличия субстрата в осетинском языке следует продолжить, чтобы поставить точку над этой сложной и запутанной проблемой. Благо, за последнее время появилось очень много новых исследований по сравнительно-сопоставительному анализу иранских языков.

Список литературы

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Ленинград, 1958. – Т. I. – С.133 - 134.
2. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. – М.: Л., 1949. – Т.I. – 601 с.
3. Геродот. История в девяти книгах. Книга четвертая. Мельпомена. – Владикавказ, 1991. – 77с.
4. Гуляев В. И. Скифы: расцвет и падение великого царства. – М., 2005. – 400 с.
5. Исаев М. И. О языках народов СССР. – М.: Наука, 1978. – 222 с.
6. Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. – М.: Наука, 1988. – 392 с.
7. Сатцаев Э. Б. Южные диалекты афганского языка: фонетика, морфология. – Владикавказ, 2010. – 156 с.
8. Старостин С. А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний восток: этнокультурные связи. – М.: Наука, 1988. – С. 112- 164.

9. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – Владикавказ, 1992. – 392 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.

Рецензенты:

Гацалова Л. Б., д. фил. н., ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.

Фидарова Р. Я., д. фил. н., ведущий научный сотрудник отдела фольклора и литературы ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.